

Эти две с небольшим недели можно было бы назвать «берлинским сидением». В 1930 году Михаил Александрович вознамерился съездить на Капри к Алексею Максимовичу Горькому. Встреча давно была желанной обоим писателям. Однако не суждено им было встретиться в тот год. Более двух недель прожил Шолохов в Берлине, ожидая въездной визы в уже фашистскую Италию. Не дождался. Поскучневшее от вынужденного безделья время коротал в доме своих друзей — Клейменовых. Писателя сфотографировала Маргарита Константиновна Левицкая-Клейменова (ее муж работал в советском торгпредстве). Снимок, предоставленный газете «Рабочая трибуна» автором «Рукописей «Тихого Дона», ранее нигде не публиковался. С точки зрения фотоискусства, он скорее всего ценностью не обладает. Но это как раз тот случай, когда следует поклониться самому факту.

Михаил НИКОЛАЕВ.

И ТАК, родился в 1928 году после появления «Тихого Дона» в журнале «Октябрь» миф о плагиате молодого малоизвестного автора, живущего где-то вдали от Москвы, в глуши.

Слух этот казался многим основательным именно потому, что исходил не от какого-то замаскированного врага Советской власти, бывшего белогвардейца, а от пролетарского писателя с именем. Биография Феоктиста Алексеевича Березовского была безупречна. Родился в рабочей семье. Батрачил. Хорошо знал жизнь народа, боролся с самодержавием. В партию вступил в 1904 году. Приговорившись к расстрелу, чудом избежал казни. После Октября служил в Сибири губернским продовольственным комиссаром, председателем губисполкома. Печатался с начала века. Решив всецело заняться литературой, обосновался в Москве. Сочинял очерки, рассказы, романы. Спустя год после переезда в столицу, бывший губернский продкомиссар познакомился с юным Михаилом Шолоховым, бывшим продкомиссаром... Казалось бы, все внешние обстоятельства складыва-

лись благоприятно для зарождения дружбы двух писателей, маститого и начинающего... «Литературная энциклопедия», выходящая в Москве в двадцатые годы, отмечая сильные и слабые стороны творчества Ф. Березовского, писала: «Он хорошо владеет формой рассказа. Зато большие произведения Б. (романы, повести) — разбухают... утомительна в большом романе стилизация речи героев».

За несколько десятилетий литературной работы, не овладев формой романа, Феоктист Березовский не мог допустить и мысли, что это умение может прийти к другому так быстро, спустя два-три года после выхода первых рассказов. И поэтому стал высказывать сомнения в авторстве Михаила Шолохова.

Он запомнил автора «Тихого Дона» начинающим литератором, писавшим рассказы, требовавшие редакторской помощи. И не мог понять, что перед ним — гений, стремительно преодолевший период литературной учебы, накопления опыта, мастерства. Опыт пришел к нему в процессе работы над «Тихим Доном», а она началась как раз в те дни, когда готовилось издание «Донских рассказов». Они к тому време-

ни были для Шолохова пройденным этапом. Ф. Березовский судил о нем по этому прошедшему этапу.

Не понимали Шолохова не только такие литераторы, как Ф. Березовский, но и более талантливые и известные, хотя и не высказывавшиеся подобно ему. Вот что пишет далее по этому поводу Евгения Левицкая:

«Помню такой характерный случай. Однажды Михаил Александрович рассказал, что Гиз (Государственное издательство. — Л. К.) предлагает ему перейти печататься к нему, давая чуть ли не вдвое за печатный лист. С нескрываемой презрительной усмешкой он отказался от столь лестного предложения... Писатели возмущались таким отсутствием корыстности у «удачливого» молодого автора».

Перечитывая много раз «Тихий Дон», я вновь и вновь поражалась силе и тонкости понимания самых сокровенных глубин человеческого сердца. Откуда этот юноша мог понять и Аксинью, и Наталью, и любовь Ани — и мятущуюся душу Григория? — Как-то случайно встретила я с Панферовым. — Вот вы дружите с Шолоховым — убедите его, чтобы он закончил «Тихий

Сенсации наших дней Рабочая трибуна. — 1991. — 5 окт. Рукописи

Дон» тем, что Григорий станет большевиком. Иначе «Тихий Дон» не увидит света». «А если это не соответствует жизненной правде?» — возразила я. «Все равно — так надо». Когда я сказала Михаилу Александровичу об этом, он усмехнулся и ответил: «Вопреки всем проклятым братьям-писателям — я кончу «Тихий Дон» как считаю правильным».

Многие из современников не знали особенностей биографии Михаила Шолохова. Судьба распорядилась так, что уже пятнадцатилетним он начал, как многие его сверстники, самостоятельную жизнь. На его глазах вершилась величайшая трагедия, которую он переживал не сторонним наблюдателем, а активным участником.

Современников поражаало отсутствие у Шолохова и обычного практического расчета в издательских отношениях.

Очень многие завидовали выпавшей в столь раннем возрасте на долю автора «Тихого Дона» славе.

Вот на этой питательной почве и родилась клевета, выдумка о плагиате, родилась в литературной среде, в кругу «братьев-писателей», подхваченная впоследствии И. Медведевой-Томашевской, Р. Медведевым и другими в 60—70-е годы.

Исследовав обстоятельства жизни М. А. Шолохова в Москве, я решил проверить устоявшиеся утверждения о том, что рукописи «Тихого Дона» сгорели в огне войны. К тому времени у меня поя-

вилось убеждение: должно что-то сохраниться, обязательно должно...

Что известно на сегодня о рукописях «Тихого Дона»?

Роман-эпопея «Тихий Дон» общепризнан как выдающееся произведение русской советской литературы, да и всей мировой литературы. Его ставят рядом с «Войной и миром» Льва Толстого. С момента выхода в свет первых двух томов шолоховского романа, а именно они служат объектом нападок, исполнилось свыше шестидесяти лет. За эти годы «Тихий Дон» прочли миллионы людей. Роман публиковался многократно в Советском Союзе и за рубежом. Постоянно появляются новые издания как на русском языке, так и переводные. Время над романом не властно. Но рукописей первых двух томов в архивах нет. И это обстоятельство породило множество домыслов, бороться с которыми пришлось в наше время с помощью ЭВМ, однако и их выводы пытаются опровергать...

— Знаете, — предостерегал меня опытный литературовед, — дело, за которое вы беретесь, столь же сложное, как вопрос об авторстве «Слова о полку Игореве».

Известно, что рукопись «Слова о полку Игореве» сгорела в войне 1812 года. С тех пор литературоведы спорят о подлинности великого творения древности.

Не раз писалось, что рукописи «Тихого Дона» сгорели в войне 1941—1945 годов...

Неужели только в романах они не горят?

Шолоховский роман-эпопея состоит из четырех книг.

— «Тихий Дон» имеет около девяноста печатных листов, — рассказывал писатель до войны корреспонденту «Известий» Исааку Экслеру, одному из первых приоткрыв завесу над историей создания романа. — Всего же мною написано около ста листов. Удалить пришлось листов десять... А вообще материала было так много, что одно время я подумывал о пятой книге романа.

Что это именно так, подтверждает всем известный четвертый том «Тихого Дона», наиболее объемистый, в нем печатных страниц на сто больше, чем в ранее вышедших томах.

Произведем несложный подсчет. В собрании сочинений М. А. Шолохова (издательство «Правда», 1980 год) четыре книги романа составляют свыше 1.800 страниц печатного текста. Поскольку его восемь частей переписывались по нескольку раз, в свое время у автора хранились тысячи рукописных страниц, не считая машинописных.

В «Пушкинский дом» поступила из архива М. А. Шолохова всего одна папка с автографами романа — рукописными и машинописными.

Вот что пишет шолоховед К. И. Прийма, у которого эта папка несколько лет находилась, после чего в июне 1975 года по воле писателя поступила в «Пушкинский дом»: «Ветхая, оранжевого полу-

«Тихого Дона»

картона, папка с надписью, сделанная красивым шолоховским почерком: «Черновики «Тихого Дона»».

В ней — сто сорок три страницы автографов Михаила Шолохова. Они написаны чернилами черными, фиолетовыми, красными, синими и даже простым черным карандашом. На двух из них есть пометки, тоже сделанные рукой Шолохова. На одной — дата: «14.11.29 г.»; и тут же написано: «Скупой пейзаж»; на другой стоит только дата: «17 декабря 1938 г.». Кроме них, еще сто десять страниц машинописных, правленных рукой Шолохова».

Трагическая история довоенного архива Михаила Шолохова не раз описывалась с его слов писателем Анатолием Софроновым: вначале на страницах журнала «Огонек», а затем в книгах. Рассказывали об этом же и другие авторы.

«Никогда раньше не видел я рукописных страниц шолоховского романа, — писал Анатолий Софронов в очерке «Над бесценными рукописями «Тихого Дона», — а сейчас вот держу их перед собой: черные, красные, синие, фиолетовые чернила, страницы, написанные карандашом, и страницы, отпечатанные на машинке. Все они с авторской правкой. Вот они, пожелтевшие, исписанные густо с двух сторон, некоторые — примятые и разорванные кое-где, с расплывшимися чернилами... А среди них страница, на которой Шолохов описал гибель Аксиньи.

Откуда же взялась эта страница? Разве нашлась рукопись «Тихого Дона»? И все ли они нашлись? Ведь известно, что во время войны пропал весь литературный архив Шолохова, находившийся в станице Вешенской».

Некоторые страницы рукописи романа Анатолий Софронов изучил, сделал текстологический анализ, называет он «первую рукописную страницу третьей главы восьмой части», описал страницу из главы первой восьмой части, датированную 17 декабря 1938 года, более раннюю страницу, датированную 14 февраля 1929 года, с пометкой Шолохова: «Скупой пейзаж». Сохранилась страница с заключительными строками романа: «Это было все, что осталось у него в жизни...»

Перечитав все попавшие к нему в руки листы рукописи, писатель делает вывод, что сохранилась только незначительная часть архива. Цитирую: «В папке, которую вернул писателю в ноябре 1945 года неизвестный командир танковой бригады (подобравший страницы рукописи в Вешенской. — Л. К.), нет рукописей большого количества страниц и целых глав из третьей и четвертой книг...»

По-видимому, у Анатолия Софронова не хватило духа написать, что не оказалось в этой папке ни одной страницы рукописи первой и второй книг, то есть тех книг «Тихого Дона», вокруг которых бушуют страсти.

После опубликования софроновского очерка в «Огонь-

ке» пришли в журнал письма очевидцев, бывших защитников Дона. Станица Вешенская пережила тяжелые дни войны, она оказалась на линии фронта. Фашистские дивизии вышли к Дону и от дома Шолохова их отделяло лишь русло реки. На станицу обрушился артиллерийский огонь, ее бомбила авиация. Одна из бомб взорвалась у порога дома Шолохова, убив его мать. Дом этот служил наблюдательным пунктом артиллеристам...

Наиболее ценную часть своего архива, в том числе рукописи романов «Тихий Дон», «Поднятая целина», а также все другие рукописи законченных и начатых произведений, письмо и телеграммы И. В. Сталина, письма Александра Серафимовича и другие документы, уложив в цинковый ящик, нечто вроде сейфа, Михаил Шолохов осенью 1941 года сдал на хранение в местное отделение НКВД, ошибочно полагая, что милиция надежнее, чем мать, остававшаяся в доме, сбережет архив.

Фашисты были тогда еще сравнительно далеко от Дона. Когда же в 1942 году во время летнего наступления германские дивизии, рвавшиеся на Кавказ и Волгу, вышли стремительно к Дону, местные организации поспешно отступили, бросив на произвол судьбы ящик с архивом М. А. Шолохова.

Очевидцы в письмах в журнал сообщали, что рукописи Шолохова после взрыва бомбы устилали улицу, их гнал по станице ветер, они

шли на курево солдатам... Одним словом, бесценные автографы попали под молот войны, не щадивший ни жизней, ни городов и сел, ни рукописей.

Командиры пытались спасти бумаги, приказывали солдатам их собрать, передавали в штабы частей. Но в руки писателя вернулась только одна папка, которую пронес через всю войну командир танковой бригады, в дни войны оборонявший Вешенскую.

Анатолий Софронов, естественно, обратился к читателям с просьбой помочь разыскать утерянные рукописи, написать, сообщить все, что запомнилось людям о рукописях «Тихого Дона».

Нашлись очевидцы, которые видели в Вешенской грузовую машину, чей кузов был наполнен рукописями «Тихого Дона» и «Поднятой целины»...

Однако, как уже говорилось, в руки Шолохова вернулись только разрозненные листы из третьей и четвертой книг, рукописных и машинописных. Им и посвятил упомянутую статью литературовед П. Бекедин в «Молодой гвардии».

Автор статьи в журнале ведет счет не на страницы, а на листы и по поводу поступивших в архив рукописей пишет следующее:

«Летом 1975 года вскоре после своего семидесятилетнего юбилея писатель пригласил к себе в гости ростовского литературоведа (К. Прийму. — Л. К.) и изъявил желание, чтобы тот отвез все 137

рукописных и машинописных листов «Тихого Дона» в Институт русской литературы на вечное хранение...»

В 1976 году обнаружился и поступил в архив лист № 138 из последней главы четвертой книги, лист, которым заканчивается «Тихий Дон».

Излагая подробно, какие рукописи находились в сейфе, сданном милиции, наиболее ценной части архива, П. Бекедин утверждает следующее: «В железный ящик, оказавшийся роковым, писатель сложил абсолютно все автографы четырех томов «Тихого Дона» (выделено мною. — Л. К.).

Автор этой статьи, хотя его не покидает надежда, что в будущем обнаружится еще какая-нибудь часть писательского архива, обладающего исключительной ценностью, пришел к выводам, мимо которых пройти нельзя.

«Не исключено, — пишет П. Бекедин, — что утраченное в годы лихолетья больше никогда не порадует нас, что к 138 листам «Тихого Дона» уже ничто не присоединится. Но шолоховские шедевры и без того навсегда останутся шедеврами — они стократ дороже рукописей (выделено мною. — Л. К.), главное, стократ нужнее человечеству... Рукописи изданных произведений имеют относительную ценность, абсолютной же ценностью обладают книги, пришедшие к читателю, и черновики неопубликованных сочинений...»

Если это так, то зачем было так торжественно, как

описывает этот же автор, проводить в Институте русской литературы АН СССР — «Пушкинском доме» церемонию передачи сохранившихся рукописей, называть их «бесценными», «драгоценными»? Зачем вообще тогда строить громадные здания архивов, содержать штат, насчитывающий множество хранителей, чтобы беречь для потомков то, что, как полагает автор, имеет «относительную ценность»?

Нет, конечно, рукописи Михаила Шолохова имеют ценность абсолютную, непреходящую.

Что о них говорил он сам? Из статьи «Над страницами автографов «Тихого Дона» К. И. Приймы мы узнаем.

«Однажды в беседе с Михаилом Александровичем Шолоховым я спросил, много ли раз он переписывал страницы и главы «Тихого Дона» и какие сцены — бытовые или батальные, лирические или драматические — писать легче?

Шолохов ответил: — Работал я всегда с подъемом, упорно преодолевая великое множество трудностей. Бывало по-разному. Случалось, что легко выливавшиеся страницы позже, при более строгом их критическом анализе, исправлялись и перерабатывались, а главы, которые писались медленно, трудно, оставались уже навсегда законченными... Бывали страницы, написанные на едином дыхании столь хорошо, что в них я мог сдвинуть или убрать — добавить лишь некоторые слова... — А пейзажи? — не унимался я. — А ваши лирико-философские раздумья?..

Много других вопросов задавал тогда в беседе дотошный шолоховед, узнав следующее:

— Право же, я этого уже

не помню, — ответил Шолохов. — Чтобы тебе ответить, надо держать в руках автографы — черновики, наброски, варианты и правленный машинописный текст. А весь мой архив пропал в годы войны. Кое-что случайно уцелело из автографов «Тихого Дона», примерно одна десятая часть (подчеркнуто мною. — Л. К.). Но эти странички находятся в Москве. Как-нибудь при случае я тебе их дам посмотреть-почитать...

И вот эти бесценные странички-автографы и машинописные листочки «Тихого Дона», собранные в оранжевой папке, у меня в руках... Михаил Александрович сидит в своем небольшом кабинете на Сивцевом Вражке в Москве и грустно рассказывает об утрате рукописей «Тихого Дона», «Поднятой целины» и многих других ценнейших документов его архива...

Что следует из слов Михаила Шолохова?

Одни страницы им исправлялись и перерабатывались, сочинялись разные варианты глав.

Другие писались на едином дыхании и не переписывались.

В своем рукописном архиве писатель выделяет:

1. Автографы-черновики.
2. Наброски.
3. Варианты.
4. Правленный машинописный текст.

И вот, разобравшись в особенностях рукописного хозяйства автора романа, мы можем усомниться в сказанном шолоховедом К. Приймой. Получив в руки «оранжевую папку», шолоховед испытал большую радость, понятную каждому исследователю, но, пересчитав рукописные 137 и машинописные (110) страницы, он на радостях решил, что в его руках та самая «десятая часть» автографов, что хранилась в Москве,

которую писатель обещал при случае показать.

— И вот эти бесценные странички автографов и машинописные листочки «Тихого Дона», собранные в оранжевой папке, у меня в руках. — помогает шолоховед. Да, в руках у него были автографы «Тихого Дона», но совсем не «десятая часть».

Рукописные странички Михаила Шолохова несколько превалили машинописные. 137 страниц рукописи составляют примерно шесть печатных листов. Мы знаем, что Михаил Шолохов написал сто печатных листов и, кроме «автографов-черновиков», у него имелись рукописные наброски, рукописные варианты глав. Выходит, что 137 страниц «оранжевой папки» не составляют не только двадцатой, но и тридцатой части написанного.

Какой вывод напрашивается?

В руки шолоховед не попала «десятая часть» автографов «Тихого Дона», не попали «странички», которые, по словам писателя, «находятся в Москве». Случай, о котором упоминал он, не состоялся. Михаил Шолохов говорил об одном, а шолоховед пишет о другом... Потому что рукописи первых двух книг, «странички», о которых говорил Михаил Александрович, попали несколько лет тому назад на долгое время на мой рабочий стол. В результате этого появилась рукопись моей книги «Кто написал «Тихий Дон», главы из которой напечатали «Рабочая трибуна» и журнал «Молва» (в октябрьском номере за этот год). Надеюсь, что и книга выйдет скоро, которая окончательно поставит все точки над i в давней, затянувшейся истории.

Лев КОЛОДНЫЙ.

[Окончание следует].